

*В.Н. Монахов, к.ю.н., старший научный сотрудник сектора информационного права
Института Государства и Права РАН, профессор кафедры ЮНЕСКО по авторскому
праву и другим отраслям права интеллектуальной собственности (Москва),
советник юстиции 1 класса.*

Информация как общественное достояние: политико-правовые грани проблемы

Понятийный срез

Искусство применения образных метафоричных средств для облегчения понимания «трудных» слов тем мы получили в наследство от древних греков. На земле Эллады слово **метафора** изначально означало - **повозка**. С учетом этого, в смысл сегодняшнего понимания этого термина, мы, видимо, должны включать некое интеллектуальное транспортное средство, чье основное функциональное предназначение - помогать людям быстрее и с большим успехом добираться от **наблюдаемого** к **постигаемому**.

В контексте нашей темы, **наблюдаемое** – это, прежде всего, действующие и планируемые правовые нормы, предназначенные для обеспечения доступности максимально возможного в данных исторических условиях объема социально и лично полезной информации максимально возможному кругу пользователей этого информационного ресурса.

Что же касается **постигаемого**, то под этим условимся понимать состояние ПРОБЛЕМЫ доступности гражданам нашей страны самой разнообразной информации, необходимой им в общественно-полезных и личных целях. Информации, чей правовой режим, с некоторой долей условности, по аналогии с известным правовым режимом авторских произведений, предусмотренным ст. 28 Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», может быть обозначен как публично- правовой режим **общественного достояния**.

В наши дни такого рода информация все чаще становится специфическим объектом интереса личности, общества и их структур, а потому – особым предметом деятельности и социальных отношений и особым предметом правовых отношений.

Конституционно-правовую основу правового режима информации как **общественного достояния** образует норма части 4 статьи 29 Конституции России о праве каждого «свободно искать, получать, передавать, производить, распространять информацию любым законным способом».

Закрепленное в этой пятичленной конституционно-правовой норме **право** каждого **на информацию**, которое в духе времени вполне можно интерпретировать также как **право знать** представляет собой межотраслевой правовой институт, включающий в себя как нормы публичного, прежде всего, конституционного права, так и частного, преимущественно, гражданского права.

Это обстоятельство позволяет нам вести речь о публичных и частных информационных правах и свободах и о публичном и частном праве на доступ к информации.

Очень важной правовой позицией является норма ст. 10 ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», закрепляющая в качестве общего правила положение о том, что «государственные информационные ресурсы Российской Федерации являются открытыми и общедоступными». В такой правовой форме в российской правовой системе получил законодательное закрепление *принцип общей презумпции открытости информации*. Знаменуя тем самым собой определенную «смену вех», предлагая впредь строгому нормированию подвергать секретность, а не открытость информации.

Исключение из этой *общей презумпции* открытости составляет «документированная информация, отнесенная законом к категории ограниченного доступа» В свою очередь, информация ограниченного доступа « по условиям ее правового режима подразделяется на информацию, отнесенную к государственной тайне, и конфиденциальную»

При этом, норма п. 3 ст. 10 указанного Закона, закреплена перечень видов документированной информации, которую *запрещено* относить к информации с ограниченным доступом. В этом перечне фигурируют, в частности:

- законодательные и другие нормативные акты, устанавливающие правовой статус органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, а также права, свободы и обязанности граждан, порядок их реализации;
- документы, содержащие информацию о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, об использовании бюджетных средств и других государственных и местных ресурсов, о состоянии экономики и потребностях населения, за исключением сведений, отнесенных к государственной тайне;
- документы, накапливаемые в открытых фондах библиотек и архивов, информационных системах органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, организаций, представляющие общественный интерес или необходимые для реализации прав, свобод и обязанностей граждан.

Как итог, можно сказать, что, по общему правилу, в рамках действующего российского законодательства к информации, находящейся в публично-правовом режиме **общественного достояния**, иными словами – в правовом режиме *общедоступности*, следует относить всю ту государственную информацию, которая не составляет государственной тайны и не является конфиденциальной.

В принципе, такой подход соответствует определению Рекомендации ЮНЕСКО по использованию и развитию многоязычия и всеобщего доступа к всемирному электронному пространству, согласно которому: «Информацией, являющейся общественным достоянием, считается доступная для населения информация, использование которой не нарушает никаких предусмотренных законом прав или обязательств по соблюдению конфиденциальности».

Само по себе обилие норм не всегда благо

По оценкам авторитетных специалистов, авторов известного документа ЮНЕСКО "Руководящие принципы политики совершенствования государственной информации, являющейся общественным достоянием", генезис формирования понятия «публичного доступа» или "общественного достояния" в первую очередь был связан с таким «вещным» объектом права как *земля* и никогда доселе не рассматривался применительно к *информации*. Такое время наступило только в наши дни.

И это отнюдь не случайно. Дело, среди прочего, и в том, что для такого рода качественного прорыва в правовом регулировании общественных отношений, связанных с массовой информацией, постепенно сформировалась определенная правовая база. В том числе и в нашей стране. Так, только на конституционном уровне в правовой институт **права на информацию** и **права знать** в Российской Федерации входит больше дюжины конституционно-правовых установлений, а на более широком - законодательном - уровне этот институт включает в себя нормы свыше трех десятков законодательных актов.

Вместе с тем, со времен Тацита известно, что само по себе наличие большого количества правовых норм отнюдь не всегда является благом. В данном случае, основное «звено уязвимости» описанной информационно-правовой конструкции в том, что в этом массиве норм на сегодняшний день отсутствует консолидирующий, системообразующий законодательный акт, определяющий «погоду» на российском информационно-правовом пространстве.

В последние года два на роль такого «делателя хорошей информационной погоды» или открывателя «второго фронта» юридической борьбы за свободу информации претендует проект Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления", подготовленный специалистами и экспертами Минэкономразвития РФ (МЭРТ) и аппарата Правительства РФ.

Законодательный дом для права на информацию и права знать

На уровне концепции, правовой доктрины идея необходимости подготовки закона, регулирующего отношения связанные с **правом граждан на информацию**, в нашей стране обсуждается в специальной юридической литературе где-то с конца 70-х – начала 80-х годов прошлого века.. В мировом же контексте идея о необходимости иметь в любом демократически организованном государстве легитимно оформленное право граждан на информацию существует уже несколько веков.

Законодательное оформление этой социально-политической идеи (на уровне метафоры этот процесс можно представить в качестве возведения законодательного дома для *права знать* - корневого для становления и развития любой демократии права) каждое государство осуществляет, что называется по своим чертежам, с учетом своих национальных традиций, культуры, менталитета.

Давайте попробуем оценить что получилось у строителей нашего дома для *права знать*?

Оценку качества законодательного строительства можно осуществлять с помощью разных методик. Например, можно постараться увидеть в нем профессиональные изъяны (тут будет уместным отметить, что подготовка проектов законов во всех развитых странах относится к самому «высокому», в том числе и в смысле оплаты этого труда, виду профессиональной юридической деятельности), указать пути их исправления и т. д.

Возможность познакомиться с примером такого рода подхода анализа текста законопроекта "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" (в редакции от марта 2003 г.), осуществленного в рамках программы Европейского Союза «ТАСИС» международной группой экспертов-юристов, недавно предоставил своей очередной интересной публикацией Институт проблем информационного права

Субсидиарно к такому, строгому и академичному (вспомним на сей счет максимуму Козьмы Пруtkова: «специалист подобен флюсу»!) подходу вполне правомерен, а для определенного класса случаев даже предпочтительней, несколько иной подход. В его рамках, к примеру, можно сделать акцент на самой ПРОБЛЕМЕ, которую предполагается разрешить с помощью данного законопроекта. Обратит внимание на то, как социоправовое явление, составляющее предмет законопроекта, развивалось исторически: во времени и в пространстве? Проанализировать, какие силы стоят на пути решения ПРОБЛЕМЫ и какими интересами они при этом руководствуются? Увидеть, как эту же проблему решают «в иных палестинах» и какое направление показывает тамошний вектор развития ее решения? И т.д. и т. п. Такого рода ретроспективно-прогностический способ оценки законопроектных решений позволяет решать более широкий круг задач. В частности, он позволяет глубже, объемнее, перспективнее представить совокупность общественных отношений, образующих предмет регулирования норм будущего закона и, в конечном счете, сформулировать и предложить законодателю более точные и взвешенные правовые позиции, регулирующих эти отношения норм.

Именно поэтому такого рода аналитический подход правомерен и социально необходим. В рамках данной работы предпринята попытка объединить элементы обоих подходов.

Свирепое сопротивление

Включенный в план законопроектной деятельности Правительства РФ на 2004 г. проект ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления", предполагалось вынести на обсуждение Правительства России (в целях последующей передачи в качестве субъекта законодательной инициативы в Государственную Думу) еще в марте 2004 г.

Однако этого не произошло. И отнюдь не только начавшаяся в том же марте реструктуризация российской правительственной власти, послужила тому причиной. Скорее эта реструктуризация явилась лишь удобным поводом для очередного откладывания нормативно-правового решения проблемы открытости российской власти в долгий ящик.

Причина же коренится гораздо глубже, можно сказать на клеточном уровне организации системы публичной власти в нашей, да и не только в нашей, стране.

Принятие законов, подобных ФЗ "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления", нацеленных на реальное решение задачи законодательного закрепления режима информационной открытости деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, их должностных лиц везде и всегда и было и есть делом чрезвычайно непростым.

В частности, у нас в России со стороны министерств и ведомств, то есть именно тех структур, чью деятельность законопроект предполагает сделать общественно открытой, предпринимались и предпринимаются различные действия, имеющие целью либо вообще не допустить принятия подобного закона, либо максимально выхолостить его реальное юридическое содержание, сведя его к набору декларативных пожеланий.

Подобного рода законопроектам чиновным людом оказывается повышенное (по сравнению со многими другими) *системное сопротивление*, поскольку нормы этих законопроектов затрагивают сами основы бюрократии, то, что издавна в России называли «тайной кабинета». Правительственное чиновничество нутром чует в этих нормах реальную ОПАСНОСТЬ для своих ведомственных и иных неправомерных личных интересов.

Эту практически общемировую тенденцию хорошо выражает следующий лингвистический факт: *на суахили, одно из слов, обозначающих правительство, значит "строжайший секрет"*.

В реальности, даже самые демократические власти грешат повседневным стремлением скрывать от общественности значительнейшую часть информации о своей деятельности. При этом публично декларируемые причины для установления режима закрытости политического, административного или иного процесса реализации власти почти одни и те же во всем мире. Они всегда прикрываются интересами национальной безопасности, общественного порядка и т.д.

Как публично признавался Алексей ВОЛИН, еще будучи в статусе заместителя главы аппарата Правительства России, - «с самых первых этапов разработки законопроекта ("Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" – В.М.), со стороны министерств и ведомств посыпалось безумное количество замечаний, возражений, отказов согласовать этот законопроект.

И тогда у премьер-министра Михаила Касьянова родилась идея: сначала принять постановление Правительства на эту же тему, а затем, когда оно уже начнет действовать, спокойно закончить работу над законопроектом». Известный и приближенный к российскому Белому дому журналист в своих оценках вторит высокопоставленному правительственному чиновнику : Попытки подготовить законопроект о доступе граждан к

всеобъемлющим сведениям о деятельности структур исполнительной власти натолкнулись не просто на сопротивление, а на «свирепое сопротивление».

Но и подготовленный МЭРТ РФ достаточно скромный по своим задачам проект правительственного постановления "Об обеспечении доступа к информации о деятельности правительства России и федеральных органов исполнительной власти" отнюдь не был встречен розами. На него также поступило небывалое в правительственной практике количество замечаний.

Первый раз этот проект рассматривался правительством на заседании 26 декабря 2002 г. и вызвал настоящую бурю отрицательных эмоций у большинства членов кабинета. Такого накала страстей вокруг перечня требований к содержанию ведомственных сайтов не ожидало ни Минэкономразвития, ни защищавший документ аппарат правительства.

Тогдашний премьер Михаил Касьянов, удивленный редкой активностью подчиненных (практически каждый министр захотел поделиться мыслями по поводу допустимой степени электронной открытости исполнительной власти), отправил проект постановления на доработку. За две последующие недели в Минэкономразвития поступили отзывы от 30 министерств, содержащие в общей сложности 100 замечаний.

Лидерами по количеству внесенных замечаний стали Минатом и Государственный таможенный комитет. Без поправок к документу *обошлись только* спецслужбы во главе с ФСБ и налоговая полиция. Что же именно не хотели придавать огласке с помощью возможностей интернета правительственные чиновники?

Внушающие доверие источники пояснили корреспонденту "РГ", что практически все министры не хотят разглашать... состав конкурсных комиссий по госзакупкам. Объясняя свою позицию тем, что якобы начнется давление на их представителей. Между тем авторы Постановления полагают, что как раз наоборот, с помощью открытости можно будет исключить при проведении конкурсов и тендеров так называемый "конфликт интересов".

Так же не хотели главы ведомств обнародовать и ведомственные гражданско-правовые договора. Журналисты предположили, что министры опасаются лишних вопросов, которые могут возникнуть, если будут раскрыты суммы, полученные той или иной фирмой за ремонт служебного здания или за поставки оргтехники...

Худо - бедно, но 12 февраля 2003 г. Постановление Правительства РФ № 98 «Об обеспечении доступа к информации о деятельности Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти» все-таки состоялось как юридический факт.

Этим постановлением утвержден «Перечень сведений о деятельности Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти, обязательных для размещения в информационных системах общего пользования». Оно содержит 53 пункта видов сведений о деятельности органов власти, к которым должен быть обеспечен доступ каждого пользователя интернета. Департамент правительственной информации подчеркнул, что данное постановление правительства впервые в России *задает стандарты информационной открытости власти*.

Февральское (2003г.) постановление Правительства содержало пункт, в соответствии с которым, все министерства и ведомства должны были к ноябрю 2003 г. привести свои ведомственные сайты в соответствие с этими стандартами и отчитаться перед Правительством.

Проанализировав представленные отчеты, Минэкономразвития выяснило, что полностью выполнили постановление, поместив на своих сайтах все 100% предписанной информации, всего шесть ведомств - МЧС, Минобороны, Минобразования, Министерство

природных ресурсов, ГТК и Госатомнадзор. Еще 14 ведомств (Минимущество, МЧС и др.), как следует из обобщающего доклада Минэкономразвития, после вступления в силу постановления стали размещать на сайтах в 1,5 - 2 раза больше информации. 15 ведомств постановление правительства проигнорировали, оставив на сайте столько же информации, сколько было в начале года.

Так, на сайте Минфина находилось лишь 33% от предписанного объема информации, Минздрава - 42% , а самого МЭРТа - 52% .

Кроме того, эксперты отмечают, что информация на министерских сайтах зачастую размещается в необработанном виде, а сами ресурсы плохо структурированы. Больше всего нареканий вызывает тот факт, что госчиновники с удовольствием указывают свои адреса и телефоны, но совсем не говорят о том, чего рядовые граждане имеют право от них добиться.

Бекграунд проблемы открытости власти

В юридическом доме, в строительстве которого в нашей стране с 2002 г. главную роль играют специалисты и эксперты Минэкономразвития и аппарата Правительства России должно осуществлять свое позитивистское житье – бытие естественно-правовое по своей сути **право народа знать**.

Основным смысловым содержанием этой формулы речи, уже обретшей право гражданства в мировой политико-правовой доктрине, является право каждого народа знать насколько эффективно и целесообразно представители различных ветвей государственного древа публичной власти, различные «слуги народа» выполняют взятые на себя перед народом обязательства и обязанности.

Системообразующим правомочием **права народа знать** является правомочие **каждого** свободно искать и получать общедоступную информацию, накапливаемую органами публичной власти. Прежде всего, органами государственной власти, иными органами и организациями, наделенными государством властными полномочиями, органами местного самоуправления, их должностными лицами.

Политико-правовой институт **«право народа знать»** – часть более широкой и объемной правовой конструкции – **право на информацию**. В свою очередь, **право на информацию** – *естественно-правовая* по своему происхождению и статусу реакция социума на присущее любой человеческой природе стремление познать новое и неизведанное, на желание знать, что будет завтра, и что было вчера. Наконец, на законный интерес иметь максимально полную информацию о сути вариантов в любой ситуации выбора.

Данные современной науки во все большем объеме говорят нам о том, что эти информационные стимулы - удел отнюдь не только человеческой природы! Впрочем, об этом же, метафорично говорит древний и красивый миф о «провидце» Прометее, который с позиций «лучшего знания», а, следовательно, «лучшей информированности», сумел удачно похитить для передачи людям огонь у «всевидящего» бога Юпитера.

Сразу же подчеркнем принципиальный момент, о котором надлежит постоянно помнить: **право знать**, как и **право на информацию**, - право отнюдь не абсолютное. Оно должно иметь, и имеет свои исключения и ограничения. Так всегда было, есть и, видимо, будет. Другой вопрос: какие исключения и какие ограничения, кто их устанавливает и определяет, существует ли и на сколько эффективно действует механизм их досудебного и судебно-правового обжалования и оценки?

Здесь же уместно обратить внимание читателя на весьма значимую историко-политическую закономерность. Заключается она в том, что почти все политики в период своей борьбы за власть, **право народа знать** чтут и обещают тотчас же претворить в жизнь, как только они эту власть обретут. Но с реальным обретением власти, их энтузиазм на поприще гласности и свободы информации в лучшем случае гаснет, увядает, а в

худшем получает иное, прямо противоположное декларируемому ранее, направление реализации. И тогда, зачастую, вместо обещанной свободы информации возводятся железные занавесы - как от внешнего мира, так и внутри страны. Информация строго дозируется, фильтруется, искажается. Информационные отношения «власть – народ» утрачивают правовой характер, перестают быть правоотношениями, регулируясь усмотрением правителей.

Яркий тому пример предоставляет практика, все еще весьма известной в нашей стране, марксистско-ленинской революционной «школы».

В 1848 году в ходе дебатов в рейнском Ландтаге по поводу обнародования протоколов сословного собрания, молодой Карл Маркс весьма романтично и поэтично характеризует один из основных механизмов и каналов реализации **права народа знать – свободу печати**. Он называет ее «зорким оком народного духа», «говорящими узами, соединяющими отдельную личность с государством и с целым миром», «духом государства, который доставляется в каждую хижину с меньшими издержками, чем материальное средство освещения». По его словам, свобода печати должна быть всесторонней, вездесущей, всеведущей. Настолько всеведущей, что даже государственные тайны ей не преграда.

Весной 1871 года, осмысляя по горячим следам революционную практику Парижской Коммуны, он определил как *позитивный* опыт коммунаров, отправивших на свалку истории «весь хлам государственных тайн».

Российский адепт и ученик Маркса – Владимир Ульянов подвергал резкой критике информационную политику правителей самодержавной России: «Правят тайком, народ не знает и не может знать, какие законы готовятся, какие войны собираются вести, какие новые налоги вводятся, каких чиновников и за что награждают, каких смещают».

Летом 1917 года, споря в Разливе с Зиновьевым о будущем устройстве пролетарского государства, он горячо провозглашал: «Не дай бог дожить нашей партии до того, чтобы ее политика делалась в тайне, где-то наверху, келейно, - мы же умные, мы знаем всю правду, а массам будем говорить полправды, четверть, осьмушку правды».

Учитывая и закрепляя эти тезисы марксистско-ленинской *доктрины* открытости деятельности социалистического государства, первая программа партии большевиков выдвинула в качестве одного из своих основных принципов, своеобразного *conditio sine qua non* (условие без которого нет), обещание установления в России в случае обретения власти «неограниченной свободы слова и печати».

Какова реальная цена этим революционно-романтическим обещаниям **«неограниченных»** информационных свобод, открытости политического процесса россиянам предстояло познать на собственном горьком историческом опыте! Наше **право знать**, долгие десятилетия не только не имело «своего угла», но и целенаправленно, изоощренно политически и юридически сводилось на «Нет».

Самое важное право в зрелой демократии

Несмотря на свою *естественно-правовую* природу, в силу своей содержательной специфики, **право знать** не могло эффективно развиваться, не обретя надлежащего места в системе права *позитивного*. Как известно, такого рода обретения осуществляются, прежде всего, через законодательство.

Впервые свое законодательное воплощение это право получило в конце XVIII века. Почему именно тогда, определенно сказать сейчас затруднительно. Видимо, сказалась некая общая атмосфера тогдашней общеевропейской демократической «оттепели». В те годы умами многих монархов ведущих европейских держав (Екатерина II - в России, король Фридрих II - в Пруссии, император Иосиф II – в Австрии, король Густав III – в

Швеции) овладевают идеи Просвещения. Российская государыня Екатерина II оживленно переписывается с парижскими вольнодумцами Вольтером и Дидро, которые с ее слов, провозглашают Россию того времени «самой прогрессивной страной в мире и отечеством либеральных принципов».

Один из этих принципов – принцип публичности (*offentlighetsprincipen*), общедоступности официальных документов органов власти и, тем самым, открытый, прозрачный для граждан характер отправления государственной и иной публичной власти – именно в то время получил свое не просто законодательное, а конституционное закрепление. Увы, не в России, а в Швеции – нашей северной соседке.

В 1776 году шведский парламент – Риксдаг – принял, а король Густав III подписал конституционный *Акт о свободе печати*, закрепивший среди прочих своих установлений и этот принцип. Отмечу небезыntenесный и, к сожалению, малоизвестный исторический факт. Густав III, также как Вольтер и Дидро, был активным участником переписки с российской императрицей Екатериной II.

Шведская политическая культура того времени представляла собой причудливую смесь парламентаризма, партийной системы, свободы слова и информации. Это время в шведской истории получило выразительное название «*эпоха свобод*». Возможно, что информационные искорки этих свобод именно через переписку Густава III с Екатериной II, долетели и до России. Во всяком случае, именно в это историческое время своим именным указом от 15 января 1783 года Екатерина II повелела «типографии для печатания не различать от прочих фабрик и рукоделий», что, в свою очередь, позволило «...каждому по собственной воле заводить оные типографии, не требуя ни от кого дозволения».

Столь давние традиции передачи искорок информационных свобод «от варяг русичам» сохранились и до наших дней. В частности, в роли такой «искорки» недавно выступил такой значимый компонент современного шведского опыта открытости государственной и общественной жизни как **whistle-blowing**. Буквальный, но бледный эквивалент этого понятия на русском – *право свистеть*. Смысловая интерпретация английского термина **whistle-blowing** на русский звучит как «открытие, разглашение информации в общественных интересах»

В рамках правового режима, закрепленного этим шведским правовым институтом, тамошние чиновники наделены правом публично раскрывать, в том числе передавая их на условиях конфиденциальности в СМИ, определенного рода сведения, которые стали им известны по работе или службе, даже защищенные грифом «служебная тайна». Квалифицирующим признаком при этом является исключительно общественная значимость раскрываемых конфиденциальных сведений.

При этом «свистящий» в общественных интересах шведский чиновник весьма сильно защищен даже от попыток узнать, кто именно «свистнул». Настолько, что тому должностному лицу, которое бы предприняло действия по расследованию, кто именно осуществил утечку «в народ» такого рода сведений, грозит год тюремного заключения. То есть, в Швеции не просто запрещено раскрывать журналистские источники информации, как во всем мире делается, в том числе и у нас, а наказывается (через уголовное преследование) даже сама попытка выяснить, кто именно является свистуном.

Социально-правовой смысл института **whistle-blowing** можно выразить следующими словами: нельзя держать в секрете то, что в интересах общества должно быть разглашено. Имеется в виду, например, информация, влияющая на состояние окружающей среды или здоровье граждан. Основным предметом разглашения в данном случае выступают те или иные общественно значимые (чаще всего в силу своей общественной опасности) сведения, характеризующие действия или бездействия государственных органов или конкретных должностных лиц. Кстати, в Великобритании также действует близкая по содержанию

институту **whistle-blowing** норма закона от 2 июля 1998 года, регулирующая отношения в связи с раскрытием информации в общественных интересах.

Полагая, что соответствующие информационные правомочия *по раскрытию информации в общественных интересах* могут и должны быть использованы и в России в качестве важного элемента борьбы с ржавчиной коррупции в государственном и общественном механизме, орган специальной информационной юрисдикции эпохи Б. Ельцина - Судебная палата по информационным спорам при Президенте России - на финишной прямой своей деятельности в январе 2000 г. организовала и провела вместе с Департаментом по правам человека Совета Европы в Академии Госслужбы при Президенте РФ международный семинар по теме: «Право государственных служащих на разглашение служебной информации в общественных интересах».

С ключевым докладом на семинаре выступила Хелена Ядерблом – руководитель одного из департаментов Минюста Швеции, председатель рабочей группы экспертов Совета Европы по доступу к официальной информации.

Суммируя «в одну фразу» итоги весьма и весьма интересной дискуссии, развернувшейся на том семинаре, можно сказать, что основным его выводом явился тезис, что в основе решения всего комплекса вопросов открытости, транспарентности власти должен лежать *выверенный баланс информационных интересов государства и гражданского общества*.

Поиск этого баланса – весьма и весьма актуальная задача для многих стран. Россия, безусловно, в их числе. Особую актуальность для нас этот поиск имеет в связи с получившей наконец-то определенное развитие административной реформой, созданием информационных предпосылок и условий для эффективного взаимодействия и развития власти, бизнеса и гражданского общества.

Родина идей Просвещения – Франция также внесла свой нормативно-правовой вклад в европейскую модель юридического закрепления **права народа знать**. Французская Декларация прав человека и гражданина 1789 года содержит не только широко известную норму ст. 11 о праве каждого гражданина свободно «высказываться, писать и печатать», но также и почти неизвестные у нас, но и весьма актуальные для перманентно ведущейся борьбы с коррупцией, нормы статей 14 и 15 о праве граждан следить за расходованием собираемых налогов и требовать «отчета у каждого должностного лица по вверенной ему части управления».

Острому галльскому смыслу нормативных установлений Декларации прав вторят доктринальные установки сумрачного германского гения. Гегель в «Философии права», среди традиционных компонентов, образующих, с его точки зрения, категорию «гражданское общество» (частная собственность, личные свободы и т.д.), особо выделял еще и такие, как публичность и **всеобщая осведомленность**.

Завершая сюжет об исторических примерах норм – предтечи современной модели законодательного воплощения **права народа знать**, отметим то обстоятельство, что ни в Швеции, ни во Франции, ни в Германии, ни, тем более, в России закрепление определенных прав *de jure*, пусть и конституционное, отнюдь не равнозначно их полной и, главное, постоянной реализации *de facto*.

Реализация свободы информации вообще и **права народа знать** в частности – это отнюдь не статичное *состояние*, а острый и динамичный *процесс*. Миру известны 30-летняя и 100-летняя войны... «Война» же за свободу информации просто не знает конца, ибо в ней нельзя победить раз и навсегда.

Участие в этом процессе сродни езде на велосипеде – чуть отпустило гражданское общество педали своей информационной активности, и оно уже на обочине информационной магистрали и вынуждено при определении своего информационного меню довольствоваться малым, дозированным, отфильтрованным, препарированным.

Совсем свежий тому пример... Лишь в 2004 г. начал действовать единогласно (!!!) принятый в сентябре 2003 г. Национальным собранием Республики Армения Закон Республики Армения «О свободе информации»- результат непростого, но - в своем итоге - плодотворного двухлетнего сотрудничества коалиции структур гражданского общества Армении и ее Парламента. Казалось бы, теперь в Армении борцы за открытость процессов политического властвования могут немного передохнуть. Но не тут то было. Уже в феврале 2004 г. Правительство РА выдвигает законопроект о внесении в него ряда серьезных изменений. Причем, по ряду оценок субъектов гражданского общества Армении, серьезно выхолащивающих демократический потенциал этого закона. Отмечу еще один небезынтесный исторический факт. Опыт законодательного закрепления **права народа знать**, достаточно неожиданно появившийся в Швеции на закате XVIII века, впоследствии не был востребован ни одним государством Старого и Нового света в течение *почти двух веков*.

И только уже в новейшее историческое время мир опять таки неожиданно вдруг обратился к рецепции этого шведского феномена - законодательства «открытости политического властвования». Пионером этой рецепции явилась ближайшая соседка Швеции - Финляндия, где в 1951 году был принят специальный закон «Об открытости информации, находящейся в распоряжении государственных органов».

В 1966 году Президент США Л. Джонсон подписал The Federal Freedom of Information Act – Федеральный Закон «О свободе информации». Идейную основу этого закона, как заявил он при его подписании, составляют два основополагающих принципа:

1. Демократия функционирует наилучшим образом лишь тогда, когда народ имеет всю информацию, допустимую национальной безопасностью;
2. Никому не должно быть позволено, скрывать за ширмой секретности решения, которые могут быть обнародованы без нанесения ущерба общественным интересам.

Применительно к закону США «О свободе информации» хотелось бы подчеркнуть два, одновременно процедурных и содержательных момента.

Во-первых, то, что предметом данного Закона являются отнюдь не некая информация «вообще», а достаточно конкретные механизмы доступа каждого (и не только гражданина США) к четко определенному ее виду – документальным сведениям, которыми владеют органы конкретные органы федеральной власти США.

Во-вторых, то, что процессы принятия и особенно реализации такого закона и в США вовсе не были социально безоблачными. Лишь один факт в обоснование этого тезиса. В 1974 г. в данный Закон предлагалось внести блок поправок, существенным образом его корректирующий в направлении предоставления больших возможностей для каждого на получение информации от властей. Президент Форд выступил категорически против этих изменений, используя в борьбе против них президентское вето. В обоснование своих возражений он, частности, утверждал, что принятие поправки об ужесточении сроков, в которые госучреждения должны давать ответ на запрос информации «создаст им непреодолимые проблемы», а предусматриваемое ими наделение судов большими полномочиями в отношении пересмотра позиций органов национальной безопасности - просто «антиконституционно». Однако Конгресс США не поддержал Президента Форда и либеральные поправки в основной информационный закон США обрели силу закона.

В 1970 году к сообществу стран, законодательно регламентирующих открытость отправления государственной власти, присоединились Норвегия и Дания, в 1978 г. - Франция и Голландия, в 1982 г. - Австралия, в 1983 г. - Канада и Новая Зеландия, в 1986 г. - Греция, в 1987 г. – Австрия.

Падение берлинской стены этот процесс весьма заметно ускорило – с 1989 г. по 2003 г. 26 (!!!) государств обрели статус «открытых правлений», приняв соответствующие законодательные акты.

Сегодня общее число государств, входящих в международный элитный клуб «открытых правлений» перевалило за пятый десяток, еще в порядка 30-ти государствах подобные законодательные акты разрабатываются.

Флагом многолетней борьбы за власть действующего сегодня лейбористского правительства Великобритании была как раз идея «большей открытости власти как фактора повышения ее ответственности перед народом». После прихода лейбористов к власти в 1987г. эта идея стала одной из главных составляющих, осуществляемых в политической сфере этой страны реформ.

В изданной в декабре 1997 года в Лондоне правительственной Белой книге «Ваше право знать: Свобода информации» отмечается, что реализация законодательной инициативы правительства, подготовившего и передавшего в парламент, проект Закона «О свободе информации» (законом он стал лишь в 2000 г. - В.М.) впервые предоставит гражданам Соединенного Королевства, законодательно закрепленное общее право на доступ к официальной информации, имеющейся в ведении государственных органов. Это право, - подчеркивается в книге, - «является самым важным в зрелой демократии».

Вся динамика развития сообщества «открытых правлений» зримо демонстрирует существование и действие некой общемировой тенденции: демократически и экономически развитые государства нашей планеты на определенной фазе своего исторического развития стремятся законодательно и, во многих случаях, конституционно обеспечить **право** своих **граждан** **знать** насколько эффективно функционируют их государственные и иные властные институты. И это отнюдь не случайно. Как демократия, так и экономика в своем развитии опирается именно на информированного субъекта: гражданина и\или работника, предпринимателя. Проблема доступа к социально и лично значимой информации – корневая проблема любой демократии и любой экономики.

Солнечный свет информированности и знания призван повсеместно уничтожать ржавчину коррупции и плесень некомпетентности осуществления властных и экономических функций.

Кто торил дорогу открытости

В этом ряду, прежде всего, вспомним тех, кто политически инициировал и поддерживал процесс «домостроительства» для **права россиян** **знать**, особенно в период его нулевого цикла.

Еще 12 июня 1990 г. Верховный Совет СССР специальным постановлением, подписанным Президентом СССР М.С. Горбачевым, поручил двум своим постоянным Комитетам (по гласности и по науке) «подготовить и внести в Верховный Совет СССР до 1 января 1991 г. проект Закона, регулирующего право граждан на информацию». Тогда это сделано не было.

Президент России Б. Ельцин своим Указом от 31.12.93 г. №2334 «О дополнительных гарантиях права граждан на информацию» инициировал разработку проекта уже российского закона «О праве на информацию». На сей раз, хотя и с задержкой, указание было выполнено – очень важный для судьбы демократии в России - законодательный акт разработан, представлен в парламент, где в сентябре 1997 г. успешно прошел свое первое чтение.

Эту большую работу проделала команда из представителей семи достаточно авторитетных государственных органов (в их числе Генпрокуратура, Минюст, ФАПСИ,

ГПУ Президента), возглавляемая светлой памяти Анатолием Борисовичем Венгеровым - Первым Председателем Судебной палаты по информационным спорам при Президенте России.

Эстафетную палочку от этой команды в 1998 г. подхватила Рабочая группа тогдашнего Комитета по информационной политике и связи Государственной Думы под руководством питерского депутата Ю.М. Нестерова (фракция «Яблоко»).

В качестве главной мы - члены этой рабочей группы - поставили перед собой задачу оснащения «венгеровского» законопроекта максимально возможным и максимально эффективным, на наш взгляд, механизмом реализации его добротных принципиальных норм – установлений.

Наш проект прошел горнило заинтересованного и профессионального обсуждения на организованной Правозащитным фондом «Комиссия по свободе доступа к информации» (ПФ «КСДИ») международной конференции, прошедшей летом 1999 г.

Однако в официальном порядке «доступа к депутатам» наша версия законопроекта по «непонятным» причинам не получила. На пленарном заседании 20 декабря 2000 года рассматривалась не подготовленная нами ко второму чтению редакция данного законопроекта, а та, что уже получила одобрение депутатов в сентябре 1997 года в рамках первого чтения. В результате, именно эту редакцию законопроекта, как бы вновь вернули к первому чтению и, в этом качестве, отклонили.

Через три месяца 19 марта 2001 года депутатами Государственной Думы В.В.Похмелькиным, С.Н.Юшенковым был внесен новый законопроект «О праве на информацию в Российской Федерации», который 23 мая 2002 года также был отклонен при рассмотрении в первом чтении. Депутаты Государственной Думы не поддержали концепцию этого законопроекта.

Зоны уязвимости

Проект Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления" "от Минэкономразвития", вобрал в себя многие сильные концептуальные наработки своих предшественников. Об этом в частности говорит его базовый принцип, закрепленный в ст. 3 законопроекта – **презумпция доступности и открытости официальной информации**, с четкими, определенными федеральными законами, изъятиями из этой презумпции в пользу соответствующих личных, общественных и государственных интересов.

Такая принципиальная установка законопроекта, обеспечивающая ему нелегкую законотворческую судьбу, уже испытанную его предшественниками, с нашей точки зрения, заслуживает всяческой поддержки. Вместе с тем, данный законопроект отнюдь не свободен от недостатков, имеет свои "зоны уязвимости", от которых ему надлежит избавляться.

В частности, в ходе дальнейшего обсуждения его содержания и формы представляется целесообразным обсудить следующие предложения по их возможному совершенствованию.

1. Как представляется, основную зону уязвимости данного законопроекта – образуют формулировки его *субъектно-объектного скелета*. То есть той важнейшей составляющей закона, в которой максимально четко и недвусмысленно должны быть «описаны»:
 - *субъект обращения за информацией (управомоченное лицо);*
 - *субъект ее предоставления (обязанное лицо);*
 - *основной объект закона - предоставляемая информация*

Четкость и определенность этих основных смысловых категорий закона, его несущих конструкций – важнейшая часть механизма будущей реализации его положений.

В контексте определения **управомоченного лица**, представляется более правильным в преамбуле и во всех статьях законопроекта заменить слова «граждане и организации», а также слова «пользователи (потребители)» на «каждый» (или/и «запрашивающий») в соответствующем числе и падеже. Такое изменение будет точнее соответствовать терминологии ст. 29 Конституции РФ и избавит текст явно публично правового законодательного акта от непрофильного для него частно-правового понятия «пользователя (потребителя)».

В контексте определения **обязанного лица**, применяемую в данном законопроекте формулировку – «государственные органы и органы местного самоуправления» следует расширить - как минимум - следующим ее продолжением - "... их должностные лица, а также иные лица и организационные единицы, в объеме, в которых они, в установленном законом порядке, участвуют в решении задач указанных органов публичной власти». Такое расширение важно и социально необходимо, поскольку круг участвующих в выполнении задач и функций органов публичной власти лиц и структур постоянно увеличивается (это общемировая тенденция) и эти субъекты так же должны быть охвачены правовой обязанностью быть открытыми для общественного взгляда и контроля.

Кроме четкой персонализации основных **субъектов** закона, другой важнейшей частью механизма реализации норм закона является четкая пропись предмета его регулирования или, иными словами, его **объекта**.

В данном случае **объект закона** - предоставляемая *обязанным лицом* информация. Как представляется, содержащееся в абзаце 2 ст. 1 законопроекта описание *объекта закона* можно улучшить, применив следующую формулировку: «К информации о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также иных лиц и организационных единиц относятся сведения, находящиеся в распоряжении этих органов и лиц, за исключением сведений, отнесенных к информации с ограниченным доступом в смысле статьи 4 настоящего закона».

Такая формулировка уточнит и упростит понимание ключевого понятия закона («информация») и его применение.

Кроме того, в контексте совершенствования определения *объекта закона*, следует осмыслить и учесть опыт международно-правового регулирования аналогичного круга общественных отношений. В частности того обстоятельства, что новая редакция (2002 г.) Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 25 ноября 1981 г. R (81) 19 «О доступе к официальной информации, находящейся в распоряжении государственных органов» получила новое наименование. (Теперь она называется «О доступе к официальным документам»).

Такое изменение отнюдь не случайно, а отражает уточняющую, корректировку понимания предмета регулирования этого международно-правового акта. Теперь это не некая безликая и бесформенная «официальная информация», а лишь та ее часть, которая имеет конкретную форму воплощения в «официальных документах».

2. В ст. 4. п. 1. предлагается заменить слово «ограничивается» на «может ограничиваться». Тем самым, принципиально оставляя законодательную возможность ограничения на доступ, из текста проекта убирается обязательность его применения даже в тех случаях, когда преобладают более важные общественные интересы (чем, например, необходимость сохранения коммерческой тайны).

3. Правовые позиции статей 7, 8 и 12 проекта предлагается объединить в отдельную главу « Организация доступа к информации в информационных системах общего пользования» и существенно доработать как имеющие свой собственный предмет регулирования и приоритетный потенциал развития. Ведь сегодня уже не только доступ к официальной информации, а практически весь комплекс отношений, связанных с поиском, получением, передачей, производством и распространением информации (ч.4 ст.29 Конституции РФ) активно интернетизируется, уходит в онлайн, требуя адекватной модернизации своих правовых и этических регуляторов. В этом смысле лучший пример для изучения и возможного заимствования наиболее подходящих и для нас решений предоставляет опыт Эстонии.

В этой стране уже несколько лет доступ граждан ко всей официальной публичной информации, не содержащей государственной тайны, осуществляется преимущественно именно через интернет. Правовую базу этому образуют нормы Закона Эстонии «О публичной информации» от 15.11. 2000г.

В частности, ст. 29 этого закона, закрепляющая *способы обнародования информации*, перечень этих способов открывает строчкой - обнародование на странице в сети интернет. И лишь «во след» этому способу прописывает разнообразные иные: посредством телерадиовещания или в периодической печати или в официальных периодических изданиях. Кроме того, норма п.1ст. 30 Закона « Выбор способа обнародования информации», недвусмысленно «намекает» владельцу соответствующей информации какой способ обнародования выбрать:

«Владелец информации обязан обнародовать информацию способом, обеспечивающим максимальную быстроту ее доведения до сведения всех лиц, нуждающихся в информации». При этом действует положение, что, если способ обнародования информации предусмотрен специальным законом или международным договором и, в силу этого, при обнародовании информации приходится применять способ, предусмотренный таким законом или договором, то в дополнение к этому способу информация должна быть обнародована и в сети интернет... (поневоле вспоминается аналогия с Карфагеном, который все-таки должен быть...!)

Ст. 32. указанного эстонского закона : «Требования к ведению государственными и муниципальными учреждениями страницы в сети интернет» закрепляет следующие процедурно важные положения, заслуживающие отражения и в нашем законе:

- Владелец информации указывает на странице в сети интернет дату каждого случая обнародования документа и дату обновления информации на странице в сети интернет.
 - Со страниц в сети интернет, ведущихся министерствами и ведомствами должен быть обеспечен прямой доступ к страницам в сети интернет, ведущимся подведомственными им учреждениями
4. Учитывая важность проблемы возмещения расходов на предоставление информации, предлагается норму ст. 20. п. 1 анализируемого проекта Федерального закона "Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления "сформулировать следующим образом:

«1. Оплата услуг по предоставлению информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления ограничена расходами на тиражирование и доставку информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления, а также затратами на поиск и создание

информации по запросу пользователя (потребителя), если иное не установлено в статье 20 настоящего Федерального закона».

Такая редакция нормы будет серьезно препятствовать самостоятельности *обязанных лиц* в «изобретении» якобы понесенных ими расходов, кроме тех, которые и так установлены нормами ст.20.

5. Наконец, необходимо серьезное расширение правовых позиций, составляющих содержание норм ч. 2 ст. 4 и ч.2 ст. 21 анализируемого законопроекта, пока лишь бланкетно регулирующих порядок разрешения споров между лицами запрашивающими информацию и ее предоставляющими, а также досудебный порядок обжалования действий и актов *обязанных лиц*. Определенную пользу в этой связи мог бы сыграть учет соответствующих организационно-правовых решений, предусмотренных в инициативном проекте закона Новосибирской области «О Уполномоченном по информационным правам в Новосибирской области и Информационной Палате Новосибирской области ».

Расширение содержания норм ч. 2 ст. 4 и ч.2 ст. 21 Проекта было бы правильным осуществить в совокупности с усилением положений ст. 22 по законодательному закреплению форм и процедур соучастия общественности, структур российского гражданского общества в осуществлении контроля за соблюдением права на информацию и реализации права на доступ к информации государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц.

Основу для обсуждения возможных правовых механизмов такого усиления могла бы составить предлагаемая редакция нормы ст. 22 Проекта: «По решению Президента РФ, глав субъектов РФ, совместно с общественными организациями создаются федеральные и региональные органы, наделенные полномочиями государственно-общественного контроля за соблюдением права на информацию и реализации права на доступ к информации государственных органов, органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также иных лиц и организационных единиц».

Предложения в жанре заключения

Таковы лишь некоторые проблемы правового регулирования отношений, связанных с реализацией **права россиян знать** и с развитием правового режима информации **как общественного достояния**.

Но они ли составляют главное препятствие на пути России в мировое сообщество «открытых правлений» и глобальное информационное общество?! Уверен, нет. Более важны проблемы фокусировки политической воли и «верхов» и «низов» на то, чтобы это естественно-правовое публичное правомочие получило наконец-то надлежащий, добротный законодательный дом для своего воплощения.

Президент Горбачев М.С. такую задачу поставил. Президент Ельцин Б.Н. организовал возведение фундамента для этого дома. На долю Президента Путина В.В. выпало главное и основное – организовать завершение строительства юридического дома для **права россиян знать** и тем самым включить информационную открытость власти в стратегию политического, экономического и культурного подъема России.

Однако надежды лишь на Президента мало, следует и самим «не плошать». В этой связи, хотел бы закончить формулированием нескольких конкретных организационно-правовых предложений, совокупная реализация которых, как мне представляется, позволила бы выйти на социально полезный вектор развития информационного пространства России и стран СНГ, совершенствования его правовой составляющей, органично включающей в себя развитие правового режима информации **как общественного достояния**.

В частности, представляется необходимым:

1. *Разработать и утвердить в статусе Президентской - Национальную доктрину информационного развития России, ее вхождения в глобальное информационное сообщество.*

Несущими конструкциями такого рода Национальной доктрины должны явиться согласованные с гражданским обществом предложения по:

- a. совершенствованию организационной структуры и деятельности государственных и общественных институций, отвечающих за обустройство и развитие информационного пространства России;
- b. совершенствованию нормативно-правовой базы обустройства и развития информационного пространства России.

Составными элементами такого рода совершенствования могли бы явиться

- расширение практики Парламентских слушаний по проектам законодательных актов, связанных с обустройством и развитием информационного пространства России;
- развитие практики общественного экспертирования такого рода законопроектов;
- развитие «общественно-государственных» форм законотворчества в этой сфере.

В рамках такого рода подхода к законотворчеству Федеральное Собрание России могло бы выделять определенные финансовые средства и по грантовой схеме предоставлять их общественным рабочим группам с задачей в определенный срок подготовить проект конкретного закона. В составе таких групп с той или иной степенью активности могли бы работать, заинтересованные в подготовке соответствующих законопроектов, депутаты Государственной Думы, а также сенаторы. Они-то, на определенном этапе этой работы, могли бы, используя свои прерогативы субъектов законодательной инициативы, придавать этим общественным по своему характеру законопроектам необходимый юридический статус;

- c. разработке оптимальных схем финансового обеспечения реализации мероприятий Национальной доктрины. В качестве одного из вариантов решения этого вопроса, можно обсудить идею создания Национального Фонда под условным названием «Путь России в информационное общество». Этот фонд мог бы аккумулировать у себя:
 - средства государственного бюджета, идущие на развитие информационного пространства России;
 - средства, получаемые в рамках международных программ содействия развитию информационного пространства России;
 - средства негосударственных организаций, коммерческих структур, общественных фондов и т. д., желающих внести свой финансовый вклад в развитие информационного пространства России.

Вопросы использования собранных таким образом средств мог бы решать Попечительский Совет Фонда, выделяя необходимые средства на грантовой, конкурсной основе, под соответствующие конкретные проекты и обоснованные заявки.

2. *Формирование авторитетного (обладающего в необходимом сочетании силой авторитета своих членов и авторитетом силы своих решений) Национального координирующего центра обустройства и развития информационного пространства России.*

В печати уже высказывались предложения по созданию такого рода структур в отдельных сегментах информационного пространства России. В частности, это предложения профессора Е. П. Прохорова о необходимости формирования **Национального Совета по СМИ**, а также профессора И. Л. Бачило о создании **Национального Совета по информации и информатизации**. Создание в первой половине 2003 г по инициативе Министерства РФ по связи и информатизации **Российского Центра развития информационного общества** - важный практический шаг в этом же направлении.

Идея организационной концентрированности, объединения пока еще разнородных усилий по обустройству и развитию российского информационного пространства постепенно овладевает умами лиц, принимающих решения. Отсутствие системообразующих начал в этой многогранной, но в своих принципиальных моментах достаточно схожей деятельности, весьма вредит делу. Ослабляет, а подчас и взаимопогашает отдельные, частные усилия, осуществляемые в различных секторах информационного пространства России.

Необходимость определения структуры, способной не просто взять на себя, но и социально эффективно выполнить нелегкую, благородную миссию запуска механизма формирования **Национального центра развития информационного пространства России**, призванного координировать усилия государства, общества и бизнеса по продвижению нашей страны в глобальное информационное общество как никогда остро актуализируется.

3. *Правовое регулирование обустройства и развития информационного пространства России должно впредь осуществляться в более четкой координации такого рода деятельности в рамках СНГ.*

Сейчас потребность в этом как никогда насущна. В связи с вхождением России в судебно-правовое пространство объединенной Европы нам приходится решать довольно непростые проблемы совместимости наших законодательств, в том числе и в информационной сфере. С тем, чтобы избежать подобных проблем в ближайшие годы по отношению к государствам-участникам СНГ стоит задуматься о более тесном взаимодействии соответствующих структур наших стран уже в ходе разработки такого рода законодательных актов. Причем, несомненно, большего внимания заслуживает проблема оптимизации взаимодействия соответствующих структур именно гражданских обществ наших стран. Рабочим органом такого рода координации и взаимодействия мог бы стать *Международный Общественный Совет по правовому регулированию информационных отношений при Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ*.

Еще одним шагом по гармонизации регулирующих воздействий на деятельность СМИ в государствах-участниках СНГ могло бы явиться создание вслед за хозяйственно-правовым органом Содружества - Экономическим Судом СНГ, информационно-правового органа Содружества - своеобразного Информационного Суда Содружества или Судебной палаты Содружества по рассмотрению информационных споров.

Соответствующая практика Европейского Суда по правам человека (в части обращений по «информационной» ст. 10 Европейской Конвенции о правах человека) и Судебной палаты по информационным спорам при Президенте РФ

(1994-2000г.г.) достаточно зримо свидетельствуют о социальной эффективности такого рода способов разрешения многочисленных информационных споров.

Помимо прочего, указанные меры по координации правового регулирования обустройства и развития информационного пространства стран нашего Содружества зримо укрепят позиции России в качестве своеобразного информационно-правового интерфейса между Европой и Азией.

Как мне представляется эти предложения могут послужить основой для широкого и глубокого профессионального и общественного обсуждения политико-правовых и иных проблем становления в нашей стране информационного общества и общества знаний. Оно необходимо и – я уверен – последует. Ведь, по мудрой мысли М. Ганди: Мы сами должны быть теми изменениями, которые желаем видеть в мире.